

ВОДОПАД КИВАЧ

И.Г. Шаудвитене

**«...в блеске полуденного солнца высился сам падун,
неумолкаемый, вечный, чудесный, точно белый царь
в этой глухой, далёкой местности, изрекающий какие-то
неведомые, всё покрывающие своими звуками законы»**

К.К. Случевский, 1884 г.

Заповедная земля — живописное обрамление равнинного водопада Кивач, видеть который люди стремятся уже третье столетие.

«Матерью» водопада является пересекающая территорию заповедника река Суна — одна из крупнейших рек бассейна Онежского озера. Протяжённость Суны — 280 км. Она берёт начало недалеко от границы с Финляндией, на Западно-Карельской возвышенности, из небольшого озера Киви-ярви. Как и большинство рек Карелии, она порожиста и извилиста, течёт по каменистому ложу через крупные и мелкие озёра. В её русле более 50 порогов и водопадов, и самыми мощными из них были Гирвас, Пор-Порог и Кивач. Два первых теперь уже не существуют, да и Кивач, несмотря на свою огромную популярность, неутраченную красоту и своеобразие, далеко не тот, каким он был в былые годы. Ниже Кивача широко разлившаяся Суна достаточно спокойно несёт свои воды в Кондопожский залив Онежского озера.

Высота современного водопада — около 11 метров (10,7), это расстояние общее от верхнего зеркала реки до нижнего. Стиснутая ущельем вода словно прыгает по ступеням огромной лестницы, где только первая и последняя из них — большие, а промежуточные образуют невысокие пороги. Ширина и высота четвёртой, главной ступени, примерно 6 метров, падающая с неё вода напоминает наклонившийся на бок квадрат. Водопад разделен скалой на два потока, левый — боковой — поток имеет перепад около 7 метров.

Учёные давно занимаются выяснением этимологии слова «Кивач», и единого мнения на этот счёт нет. По одной из версий, его основу составляет карельское и финское «киви» — камень. Камня вокруг воды много — «каменный» водопад заключен в **диабазовые** скалы, служащие ему великолепным украшением.

Возможно, название связано с карельским «кивас» — снежная гора. В морозные зимы водопад покрывается толстым снежно-ледяным сводом — «шубой», образующимся из замерзающей водяной пыли, а летом падающие с уступов пенистые струи воды напоминают белый сугроб на фоне тёмных скал и зелени леса.

Есть предположение, что название водопада произошло от двух карельских слов: «киви» — камень и «вачу» — живот. Ненасытное «каменное брюхо» — исполиновый котёл (общепринятый геологический термин), яма, выбитая водой и камнями под струями основного падения. Глубина её примерно равна высоте водопада.

Стремительный поток прыгающей со ступеней воды также наводит на мысль, что название соотносится с финским «киивас» — бурный, порывистый.

О происхождении Кивача и верхних сунских водопадов, Пор-Порога и Гирваса, сохранилась красивая карельская легенда:

«Сёстры-красавицы Суна и Шуя родились на краю земли из одного и того же озера. Долго бежали речки рядом и не могли налюбоваться друг на друга. Но однажды решили сёстры поискать себе женихов в дальних краях. Много раз дремучие леса, скалы и болота преграждали им путь. Но девушки шли дальше. Наступил вечер, сомкнулись над ними темные шапки деревьев-великанов, а лес не кончался. Почувствовав усталость, решили речки отдохнуть. Крепким сном уснула добрая Суна, всегда уступавшая младшей сестричке удобное русло. Любила девушка поспать, оттого и звали её раньше Сон-река. А тем временем неблагодарная Шуя, подремав, умчалась далеко вперед к неведомому морю.

Проснувшись, поражённая изменой Шуи и горем разлуки с нею, как безумная бросилась Сон-река догонять беглянку, не выбирая русла, не останавливаясь ни перед какими преградами. В страстной погоне за сестрой налетела она на Олонецкие скалы и стала неистово рвать их, пробиваясь стрелою вперед. Так возникли и Гирвас, и Пор-Порог.

Однажды Суне послышался голос Шуи, быстро выбежала она из-за поворота, но опять перед ней неприступной стеной встали мрачные скалы. Собрав последние силы, Суна раздвинула их и прыгнула вниз с четырех ступеней... С последним воплем в утёсах Кивача, потерявшая надежду догнать сестру, печально отдалась Суна в руки северного великана — леса».

В действительности же происхождение водопада учёные связывают с геологической историей прилегающих окрестностей. Каменной гряде, которую пересекает река, около 2 млрд. лет, а каньон и ступени водопада образовались гораздо позднее в результате неравномерного разрушения и смещений отдельных блоков земной коры. После таяния ледника в течение почти 3 тысячелетий (11000–8000 лет назад) эта «каменная лестница» была залита водой приледникового водоёма. Впоследствии, с понижением уровня и уменьшением площади этого озера, принявшего ныне очертания Онежского, Суна смыла с гряды слой рыхлых озёрных отложений, но разрушить древние вулканические породы не смогла. Со временем возник этот мощный равнинный водопад, возраст которого примерно 7–8 тысяч лет.

Свидетелями столь долгой истории Кивача являются «стаканы» и «колодцы». Вода, прежде широко разливавшаяся по обе стороны от нынешнего русла, с помощью влекомых камней смогла высверлить в прочной (но неоднородной) породе множество цилиндров диаметром от 10 до 70 см и глубиной от 20 см до 1,5 метров. Малые цилиндры называют стаканами, большие — колодцами. Самый большой колодец виден в скале правого берега в нескольких метрах от последней ступени.

Интерес представляет и штриховка — «автограф» ледника, оставленный им задолго до появления водопада. На плоской скале, возле мостика через боковой поток, можно увидеть параллельные друг другу, указывающие направление движения льда длинные бороздки, оставленные камнями, оказавшимися между льдом и его каменным ложем.

Первое упоминание о Киваче встречается в Писцовой книге XVI века как о рыбном уголье — «...на Суне реке под Кивачом порогом — тоня» (тоня — место, выбранное для рыбной ловли). Средневековых и даже первобытных охотников и рыболовов могли привлекать в эти места сиг, хариус и особенно лосось, скапливающийся у водопада.

Но время истинного открытия «неукротимого богатыря угрюмой Корелы» относится к концу XVIII века. В 1784 г. была образована Олонецкая губерния с центром в Петрозаводске, и первым её губернатором царицей Екатериной II был назначен Гаврила Романович Державин. Освоение Карелии сопровождалось научными исследованиями, одна за другой следовали академические экспедиции. И вот летом 1785 г. водопад посетили и Г.Р. Державин, начавший объезд огромной губернии с поездки на Кивач, и академик Николай Иванович Озерецковский, исследовавший Онежское и Ладожское озёра. Державин добирался до Кивача на лодке от деревни Вороново. Озерецковский прибыл верхом по тропе через густой лес со стороны Сопохы (как и современные посетители заповедника). Обоими были написаны восторженные отзывы о Киваче в путевых заметках. Озерецковскому принадлежит первый дошедший до нас рисунок водопада, сделанный с натуры. Державин семь лет спустя после пребывания его в Петрозаводске, в конце 1791 г. написал оду «Водопад», воспев в ней величавую красоту Кивача. Ода получила широкую известность и заняла видное место в творчестве поэта.

Так благодаря Державину и Озерецковскому российская публика узнала о Киваче. Но прошло почти семьдесят лет, прежде чем в глухой Олонецкий «медвежий угол» потянулись путешественники. Поначалу сюда добирались немногие: слишком долг и

труден был путь. До середины XIX века дороги к водопаду не было, кроме узенькой тропинки. Путники были вынуждены ехать «водою или верхом».

Изменения произошли лишь в 1858 г. в связи с посещением Карелии Государем Императором Александром II, пожелавшим взглянуть на «олонецкое чудо». Александр пробыл на Киваче около часа и «изволил иметь обеденный стол». По словам очевидцев, сунский исполин заслужил его особое внимание.

К приезду царя тщательно готовились. У водопада, на месте нынешней смотровой площадки, выстроили двухэтажный павильон с открытой галереей, за которым впоследствии закрепилось название «Царский Дворец». Наружный фасад павильона был взят с рисунка подобной постройки у известного рейнского водопада. Водяная пыль долетала до его балкона, так близко стоял он к Кивачу. Через Суну навели наплавной мост с беседкой в восточном стиле посередине. На противоположном берегу соорудили изящную обзорную беседку. Правда, ступени лестницы, поднимавшейся к беседке, были мокрыми и скользкими, да и сидеть в ней было невозможно — «её всю обволакивала пыль Кивача, так что перила, скамьи и пол блестели в потоках и лужах воды», а человек невольно умывался.

С той поры падун стал доступен. От Петрозаводска до водопада со стороны дер. Викшицы была обустроена прекрасная грунтовая дорога. «Дорога на Кивач — одна из лучших и красивейших в Олонецкой губернии», — писал этнограф М.А. Круковский. Туристов к водопаду доставляли ямщики. Но в то время эта поездка была по карману лишь сравнительно небольшому кругу состоятельных людей и требовала большой выносливости. Экипаж с тройкой лошадей от Петрозаводска до Кивача стоил дорого, а сама поездка занимала в среднем два дня. Ночевали путешественники в павильоне. Для этого нужно было получить особый билет-разрешение, выдававшийся управляющим Петрозаводским Александровским заводом. И, как отмечали посетители, «под громовой грохот и шум спится хорошо», несмотря на то, что скала и стоящее на ней здание «сотрясались» от падения воды. Путники, забывшие получить разрешение, ночевали в гостеприимном просторном доме сторожа, которого порой называли смотрителем водопада.

Ближе к концу XIX века, когда была установлена пароходная связь между Петербургом и Петрозаводском, известность водопада ещё более выросла, увеличилось и количество желающих побывать на его берегах.

Кивач производил неизгладимое впечатление, «вселял восторг, соединённый с неопишуемым изумлением». В водяных брызгах сияли радуги, падающая вода завораживала, столб водяной пыли доходил до вершин растущих по берегам деревьев, с которых зимою свешивались гирлянды ледяных сосулек. Шум водопада был столь велик, что, стоя рядом с ним, люди не могли слышать друг друга. Приглушённый гул его в тихую безветренную погоду слышался уже за пять вёрст, едва путешественники отъезжали от Викшицы. Добравшиеся с юга по реке путники отмечали, что за несколько вёрст до водопада река была покрыта струящейся по течению пеной, а версты за три начинала дрожать лодка (верста — примерно 1 км).

По отзывам путешественников, Кивач поражал их своеобразием и красотой, казался мощнее по сравнению с крупнейшими равнинными водопадами Европы: Рейнским — на реке Рейн в Швейцарии, водоскатом Иматра на реке Вуокса в Финляндии и Наровским водопадом на реке Нарва в Эстонии.

Водопад удостоился многих восторженных строк. Невозможно привести здесь все эти живописания. Пленял и сам водяной исполин, и «картины, разбросанные близ него рукою Природы». «Обыкновенно, когда вашему впечатлению предшествует крупная репутация, ...оригинал покажется вам ниже людской молвы. Кивач — напротив. Он гораздо лучше в действительности, чем в рассказах, описаниях и фотографиях», — свидетельствовал турист в самом начале XX века, подписавшийся инициалами И.И.К.

Ежегодная статистика газеты «Олонецкие губернские ведомости», которую она вела на основании билетов для ночлега, указывала, что число посетителей в конце XIX века достигало в среднем 200 человек в год. В 1892 г. в царском павильоне была заведена «Книга для записи имен господ посетителей Кивача». Имеется такая «Книга» и сейчас в музее заповедника, правда, уже в нескольких «томах», т.к. количество посетителей Кивача заметно возросло — за год сюда приезжают до 80 тысяч человек. Интересно, что записи в «Книгах» похожи. По-прежнему много восторгов и впечатлений на разных языках: и в стихах, и в форме размышлений. Но есть и «перлы», подобные записи конца XIX века: «Были, пили и уехали...»

Существовало еще несколько строений рядом с водопадом. На старых снимках можно видеть небольшую беседку у воды под скалой, на которой находился павильон. Очевидно, она была выстроена рядом с лодочной пристанью. Возможно, на берегу Суны (пока это спорное предположение), находилась небольшая деревянная часовня, запечатлённая на снимке С.М. Прокудина-Горского. Павильон, беседки и часовня не сохранились, вероятно, были разрушены в послереволюционные годы. Неоднократно реконструированный мост просуществовал до 1975 г. Более двух веков (до 1930-х гг.) на самом малом из боковых потоков проработала мельница, и ещё долго валялись вблизи водопада два огромных оставшихся от неё каменных жёрнова.

Первое техническое описание Кивача было сделано Ивановым в 1879 г. Спустя четыре года полуглазомерную съемку водопада произвёл топограф Генри. Затем в 1894 г. группа студентов Санкт-Петербургского университета под руководством профессора А.М. Жданова провела нивелировку и получила первые достоверные сведения о размерах каждого из Сунских водопадов.

Кивач был одним из наиболее крупных и живописных водопадов России и Европы. Он считался вторым по величине равнинным водопадом Европы после Рейнского. По данным 1900 г. ширина главной ступени между скалами достигала 15–18 м, расход воды был более 300 кубометров в секунду. Вместе с боковыми потоками падающая вода представляла собой огромную «подкову».

Ближе к концу XIX века всё чаще стали возникать мысли о практическом применении двигательной силы падающей воды. Один из первых проектов «утилизации падуны» – строительство при Киваче писчебумажной фабрики. В Карелию зачастили изыскательские экспедиции. В Горный департамент посыпались просьбы и предложения по аренде Кивача и проекты его использования. Даже высказывались соображения о возможности и выгоды передачи энергии в Петербург.

В конце концов, от слов перешли к делу — неутомимый падун привлёк внимание военного ведомства, у которого возникла идея постройки завода по производству азотной кислоты, нужной для изготовления пороха, для чего требовалось большое количество дешёвой энергии. В 1913–1916 гг. были произведены технические изыскания и обосновано предложение по строительству гидростанции на Киваче.

К счастью этот проект, воплощение которого в жизнь окончательно погубило бы «северного богатыря, красавца и гордость России» вкупе с прилегающими окрестностями, отринул Генрих Осипович Графтио, крупнейший гидротехник, который позднее стал главным инженером строительства первой советской ГЭС на Волхове и двух ГЭС на Свири. Он рекомендовал с помощью канала отвести воды Суны выше озера Сандал, а саму станцию построить у села Кондопога. В этом случае использовался перепад высот между озёрами Сандал и Онежским, что в два с половиной раза увеличивало напор воды по сравнению со строительством станции прямо на Киваче. А озеро Сандал становилось естественным водохранилищем.

В 1916 г. в Кондопоге приступили к сооружению первенца Карельской энергетики, однако вскоре строительство было прервано на довольно продолжительный срок грянувшей революцией, гражданской войной и годами хозяйственной разрухи. Возобновилось оно только в 1923 г., а пуск первой очереди ГЭС состоялся в 1929 г.

Вместо завода по производству азотной кислоты в Кондопоге выстроили бумажную фабрику.

Вод реки Суны пока не затронули, используя сток из бассейна озера Сандал. Но у деревни Сопоха от Сандала дамбой была отрезана река Сандалка, левый приток Суны ниже Кивача.

Однако по планам хозяйственного развития Кондопога должна была стать промышленным центром с крупным целлюлозно-бумажным комбинатом и заводами строительного направления, а для этого требовались дополнительные энергетические мощности. Возникла необходимость постройки второй очереди ГЭС. Для выполнения этой работы создали организацию «Сунастрой».

В ноябре 1936 г. строительство было завершено. Река Суна оказалась зарегулирована плотиной у посёлка Гирвас. От гирвасского водохранилища её воды направили в другую озёрно-речную систему: по Пионер-каналу в озеро Палье, затем по реке Тивдийке в озёра Сандал и Нигозеро. Отсюда по каналу вода поступает на турбины Кондопожской ГЭС. Позднее, в 1954 г., у Гирваса была построена ещё одна небольшая ГЭС (Гирвасская или Пальеозерская).

Ниже плотины — сухое русло реки. «...Все водопады постигла участь смолкнувшего обнажённого Гирваса. Умолк и красавец Кивач, оскаливший теперь обсохшую зубастую пасть...» (газета «Красная Карелия», 1937 г.).

В настоящее время участок Суны от Гирвасской плотины до устья представляет собой отдельную реку длиной 63 км, около 18 км из них она течёт по заповедной территории. Сильно изменился и водный режим: среднегодовой расход реки уменьшился с 69,2 куб. м/сек (по данным 1929 г.) до 4,97 куб. м/сек (данные 2002 г.) — почти в 14 раз!

Вода, которую мы сегодня видим на Киваче, поступает с небольшого водосборного бассейна — всего 30 км пути реки. Примерно половину этого потока даёт речка Нива, которая вытекает из Пялозера и впадает в озеро Сундозеро. Питают Суну и болотные ручьи. Водопады Гирвас и Пор-Порог, прежде гремевшие неподалеку от места расположения плотины, сейчас не существуют.

Суна издавна была сплавной рекой, лес сплавляли молевым способом, не связывая брёвна в плоты. В старину весной и летом в Онего к лесопильным заводам гнали стволы прямо через водопад, который был серьёзным препятствием. При прохождении через «прожорливый» падун портилось и гибло слишком много ценной древесины, разбиваясь о камни. Толстые брёвна нередко переламывались пополам в одно мгновение, раскалывались, превращались в мочало и щепу. Меньше половины их оставалось целыми после прыжка в водопад.

Профессия мольщиков была опасна. Особенно выделялись люлечники. Для предупреждения и разбора заломов между берегами реки протягивали канат, по которому на блоке ходила подвижная люлька. В люльку, на скользкую от воды доску, садился рабочий и, вися над kloкочущей бездной, с головы до ног окутанный брызгами, должен был багром отцеплять застрявшие брёвна, либо накидывал на них петли, которыми их и вытягивали на свободную воду. Малейшая неточность в движении грозила смертью. Нередки были случаи, когда смельчак, сорвавшись в пучину, находил в ней свою гибель, а семья лишалась кормильца. Известная олонечкая сказительница Н.С. Богданова создала «Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса». За риск и огромное самообладание мольщики получали сущие гроши...

Для спасения древесины у Кивача соорудили крупнейший в России бревноспуск. Он был построен в 1837 г. по проекту смотрителя Балтийского округа корабельных лесов, к которым относились и сунские боры, лесничего Пеганова. Пробитый в скале, выложенный брёвнами и досками, бревноспуск шириною 2,1 м пропускал стволы до 19 м длиной и до 66 см в диаметре. Он представлял собою обводной канал, плавной линией соединяющий верхнее и нижнее зеркало реки. Брёвна, минуя водопад, медленно заплывали в лоток, затем с увеличением уклона скорость их движения нарастала, и в

нижней части они неслись со скоростью 15 м в секунду. Перед водопадом установили бóны — преграду для сплавляемого леса.

В 1948 г. на месте старого был построен новый лоток — в послевоенные годы началась интенсивная заготовка древесины леспромхозами. И ещё раз его ремонтировали в 1961 г. У лотка днём и ночью дежурили рабочие. Однако и в те годы порой не удавалось справиться с потоком леса, образовывались огромные заломы, иной раз размерами с двухэтажный дом, для разбора которых прибегали к технике. Брёвнами засорялся и водопад, приобретая неприглядный вид. В сезон лесосплава — с мая по сентябрь — затворы Гирвасской плотины (и деревянной плотины-регулятора у деревни Шушки — на участке реки между Сундозером и Пандозером, построенной с целью накопления воды в Сундозере для сплава и пропуска брёвен) периодически открывали, в результате чего уровень воды в реке резко повышался.

В 1974 г. сплав был прекращен. Лоток разобрали и вход в него запрудили камнями. Но остались взорванные скалы, искусственное русло бывшего лотка и устланное затонувшей древесиной дно реки. В исполиновом котле водопада до сих пор торчком стоят брёвна.

Сплав нарушил естественное воспроизводство благородных рыб на порогах Суны от водопада Кивач до устья реки, издавна относившихся к одним из лучших рыбопромысловых угодий в бассейне Онежского озера. Произошло постепенное вымирание моллюсков, в раковинах которых образуются жемчужины, — их личинки развиваются в жабрах лососёвых рыб. Следствием перекрытия Суны плотиной явилось обмеление самой реки и озёр её системы, сопровождающееся зарастанием мелководий вдоль берегов и около островов прибрежной и подводной растительностью.

С прекращением сплава плотина закрыта постоянно. Избыточную весеннюю воду, скапливающуюся в гирвасском водохранилище, чаще всего спускают холостым сбросом рядом с Гирвасской ГЭС. Но в годы особенно больших паводков (что бывает раз в 5-10 лет), когда появляется угроза размыва насыпных дамб водохранилища, затворы плотины приоткрывают, и на несколько дней часть вод Суны попадает в родное русло. Тогда все три Сунских водопада оживают, хотя и далеко не в прежнюю силу.

Современный Кивач, значительно потеряв в размерах и мощности, все же по-прежнему живописен и, как любой природный каскад, имеет свою расцветку, свой голос и свое обрамление. Не умолкающий, тысячелетия рвущий каменную преграду. Ликующий весной и устало стихающий осенью. Он завораживает белой июньской ночью и в морозный зимний день, укутанный в причудливую снежную шубу. Он по-прежнему вдохновляет поэтов, привлекает к себе художников и фотографов.

Стоя рядом с водопадом, мы прикасаемся к вечности. Кивач — не только вечное движение и чарующая красота природы, никогда не перестающая нас удивлять, это — далёкое прошлое нашей планеты и прошлое жизни людей этого края, ставшее уже достоянием истории. Мы испытываем одновременно радость и грусть, восторг и печаль оттого, что в силу тех, давних обстоятельств люди не пожелали или не сумели сберечь водопад в первозданном виде, как чудесный дар и драгоценный памятник Природы.

*Лохмат, взъерошен, белозуб,
бушует водный бог.
И день, как будто бы в грозу,
от грохота оглох.
Через крутые валуны
вода несётся вскачь.
Гусарским кивером волны
кивает мне Кивач.
А лес навывтяжку притих,
насторожённый весь.*

*Державинский алмазный стих
таится где-то здесь...*

А. Лёвушкин